

ИЗДЕРЖКИ МОНОПОЛИЙ

*Геннадий Лебедев,
вице-президент ООО «Вангвард», Россия*

Доклад подготовлен для международной конференции «Либеральная программа для нового века: глобальный взгляд», организованной Институтом Катона (Cato Institute, США), Институтом экономического анализа (Россия) и Российским союзом промышленников и предпринимателей (работодателей).

8-9 апреля 2004 г., Москва

Аннотация.

Понятие монополии как субъекта, имеющего возможность манипулировать ценами на некотором «рынке», благодаря своей доле на этом рынке, является абсурдным. При таком определении любой человек или организация является «монополистом» на некотором «рынке». Единственный строгий смысл слова «монополия» – это установленная и поддерживаемая государством привилегия. В каждый данный момент времени общественные потери (издержки общества) от существования таких государственно установленных привилегий (монополий) тем выше, чем выше уровень насилия, необходимый для поддержания монополии. Кроме того, эти потери (издержки) лавинообразно растут с течением времени, – общество лавинообразно становится беднее. Строгие определения смысла терминов «привилегия», «насилие», «фундаментальные права», «общество становится беднее» и других даны в докладе. Общественные потери от существования отраслевых привилегий так называемых «естественных монополий» относительно меньше, чем потери общества от всеохватывающей денежной монополии центрального банка. Компромиссным (по сравнению с полной ликвидацией этой привилегии) вариантом снижения общественных потерь может быть уменьшение генерируемого этой привилегией насилия путем, например, полного запрета на эмиссию новых денег. Другим примером монопольных привилегий являются патентные и авторские права (если их защита выходит за рамки защиты обычных прав собственности и договорных прав). В основе всех привилегий (и всех общественных потерь) лежит привилегия государства на узаконенное и потому безнаказанное насилие – на нарушение фундаментальных прав людей.

Помимо того, что все остальные привилегии опираются на эту, помимо массовости и всеохватности этой привилегии, помимо гигантских размеров насилия и, соответственно, гигантских потерь и обнищания общества, привилегия государства на безнаказанное насилие радикально отличается от всех остальных, дарованных государством привилегий, по самой своей сути. «Обычная» привилегия (газовая, электрическая или даже денежная) лишь запрещает всем остальным заниматься некоторым видом деятельности, которым при отмене привилегии могли бы заняться многие. Но привилегия государства на насилие разрешает безнаказанно делать то, что при отмене привилегии считалось бы преступлением (а зачастую и считается таковым людьми, независимо от того, что написано в законах). Эта привилегия дает «право» на рабство, на грабеж и на иные нарушения фундаментальных прав людей. Поэтому эта привилегия ведет не только к обнищанию общества, но и к разрушению самих основ человеческого сотрудничества, разрушению морали и нравственности, разделению людей на классы, репрессиям и войнам. Государство должно защищать фундаментальные права людей (в том числе и силовыми методами), но не вправе и не должно нарушать эти права ни при каких условиях и независимо от целей. В той мере, в которой государство защищает фундаментальные права людей, оно способствует развитию и процветанию общества. В той мере, в которой государство нарушает или защищает нарушение фундаментальных прав людей, оно действует преступно, способствует стагнации, упадку и разрушению общества.

Глобальный взгляд на либеральную программу для нового века можно сформулировать в одном предложении –

Надо ликвидировать монополию (привилегию) государства на безнаказанное насилие – нарушение свободы, прав собственности и договорных прав людей

i. Отсечение лишнего

Я вынужден начать с ряда очевидных утверждений, хорошо известных большинству данной аудитории, но по-прежнему чрезвычайно актуальных и злободневных.

i.1. Монополия как доля продаж на рынке и возможность диктовать цену

Сейчас словом «монополия» обычно называют ситуацию, когда какой-то производитель или продавец занимает слишком большую долю «рынка», позволяющую ему «манипулировать» ценами на этом «рынке».

Однако понятие «монополии» в этом смысле субъективно и нестрого, – ведь «рынком» можно назвать все, что угодно. ГАЗПРОМ является монополистом на «рынке газа», РАО «ЕЭС России» – на «рынке электроэнергии», но они не являются монополистами на «рынке тепла» (в который кроме газа и электричества надо включать нефть, дрова, горячее водоснабжение и даже шубы и одеяла). Если мы хотим понять, является ГАЗПРОМ монополистом или нет, какой из «рынков» – газа, тепла, энергии или еще чего-то – мы должны рассматривать? Любой производитель любого товара или услуги – монополист «на рынке» своего товара или своей услуги. Наемный работник – монополист по продаже своего труда. Гостиница «Мариотт-гранд», в которой мы сейчас находимся, - монополист по предоставлению своих залов для этой и других конференций.

Иными словами, монополий в этом смысле либо не существует вовсе, либо монополией на некотором «рынке» можно назвать абсолютно любого человека или организацию. Это понятие монополии расплывчато и нестрого, что и требуется от ширмы, служащей лишь для оправдания государственного вмешательства и нарушения прав собственности.

i.2. Почему «один» – это «плохо»?

Помимо того, что распространенное ныне понятие «монополии» вообще неопределенно и, таким образом, может быть использовано для оправдания чего угодно, возникает естественный вопрос, а чем ситуация единственного продавца плоха? Ведь любой продавец уникален, но лишь покупатель является «монополистом» по принятию решения о покупке. И даже если мне не нравится цена за электроэнергию, я могу освещать дом свечками, покупать батарейки, начать вставать и ложиться с восходом и заходом солнца, или вообще переехать в другое место.

Чтобы прояснить ситуацию рассмотрим гротескный пример. Предположим, что на «рынке колес» идет активная конкуренция между производителями треугольных, квадратных, шестиугольных и круглых колес. И что покупатели, постепенно осознав преимущества круглых колес, перестали покупать квадратные и даже шестиугольные. В результате на «рынке колес» возникла монополия производителя круглых колес. (Для простоты предположим, что другие фирмы производство круглых колес быстро наладить не могут,

например, из-за огромных стартовых затрат капитала или из-за патентной защиты «круглости» колес.) Совершенно очевидно, что любые усилия по «развитию конкуренции и недопущению монополии», основанные на том, что колеса должны быть не только круглыми, но и квадратными тоже, являются чистым безумием (хотя и обеспечат работой и прочими благами как работников антимонопольных органов, так и производителей квадратных колес). Понимание этого приводит к тому, что «борьба с монополиями» преобразуется в их «регулирование». Компания «Круглые колеса» признается естественной монополией (в силу естественных преимуществ этой формы колеса), а потому требующей государственного регулирования цен. Потому что иначе этот монополист, пользуясь своим монопольным положением, «задерет цены» и будет «наживаться» за счет потребителей.

Этот аргумент, впрочем, в равной степени применим к абсолютно любому продавцу. Я, пользуясь монопольным правом собственности на свою квартиру, могу «задрать» цену и «наживаться» за счет арендатора. Coca Cola может «задрать цены» на свои напитки, рабочий может «задрать цену» на свой труд и «наживаться» за счет работодателя и т.п. Обычное возражение состоит в том, что, дескать, «рынок» квартир, «рынок» прохладительных напитков и «рынок» труда являются конкурентными. Поэтому недовольный ценой покупатель найдет другую квартиру или другого работника. Но это всего лишь возвращает нас к предыдущему вопросу о том, какой «рынок» «надо» рассматривать, кто какой «рынок» имеет в виду. Различия в квалификации и качестве труда работников (особенно в наш высокотехнологичный век) ничуть не меньше, чем

различия между газовыми и мазутными котельными, или различия между свечкой и электрической лампочкой.

В основе требований «ограничить монопольные цены» лежит обыкновенное желание жить за счет других, насильно принудив продавца к совершению сделки на худших для него (чем в отсутствие принуждения) условиях. Но, будучи созданными, государственные регулирующие органы могут быть использованы «монополистом» и для завышения цен и принуждения покупателей. Однако, независимо от того, применяется принуждение к продавцу или к покупателю, оно нарушает основной и самый главный принцип рынка – добровольность (а, значит, и взаимовыгодность) обменов. Поэтому любое антимонопольное законодательство, любое государственное регулирование монополий означает подмену рынка той или иной формой централизованного планирования. Под вывеской «создания конкурентного рынка» скрывается произвольное властное насилие и разрушение рынка как такового. И, как показывает опыт, цель «построения конкурентной рыночной экономики и демократии» в качестве оправдания безнаказанного применения насилия оказалась ничем не хуже, а в чем-то и лучше, чем цель «построения коммунистического» или любого другого «светлого» будущего.

i.3. «Естественная» монополия

Особое место в антимонопольных теориях занимают так называемые «естественные» монополии, которые, как утверждается, невозможно или не нужно ликвидировать в силу их «естественного» характера, а потому надо

«регулировать». Например, «естественно-монопольным» считается весь трубопроводный транспорт, – считается, что если одну трубу (например, газопровод) уже проложили, то никто не сможет проложить вторую. В этом высказывании абсурдно и странно все. Если бы никто еще никаких труб не прокладывал, то можно было бы сомневаться, в том, что прокладка трубы в принципе возможна. Но если первую трубу кто-то уже проложил, то нет ни малейших сомнений, что можно проложить и вторую. И, возможно, дешевле, чем первую. Но даже если предположить, что по каким-то экономическим причинам никто вторую трубу не проложит, совершенно непонятно, зачем *запрещать* прокладку второй трубы законодательно. Наличие таких запретов показывает, что в реальности законодатель (или тот, кто этот закон лоббирует) *боится*, что вторую трубу так проложат. Когда Правительство говорит «мы не можем позволить нефтяным компаниям строить собственные трубопроводы, поскольку трубопроводный транспорт – это естественная монополия государства», то защищается именно привилегия. А теория «естественных» монополий служит всего лишь фиговым листком.

Наконец, антимонопольные теории имеют привычку переставлять местами причины и следствия. В условиях государственного регулирования цен вторая труба действительно может не возникнуть даже там, где в отсутствие регулирования она бы возникла. Но отсутствие конкурентных труб – это следствие, а не причина государственного регулирования. Кстати, если и при отсутствии принуждения и регулирования вторая труба не возникает, значит, цены не «задраны» и все в порядке.

i.4. Монополия как государственно установленная привилегия

Учитывая все вышесказанное, всюду далее я буду использовать термин «монополия» в его первоначальном смысле – как *государственно установленную привилегию*, разрешение что-то делать одному субъекту и запрет делать это другим. Именно этот смысл слова «монополия» был основным и единственным вплоть до начала XX века. В частности, патент на изготовление круглых колес (в смысле государственного запрета делать круглые колеса всем остальным) – это пример монополии в точном смысле этого слова.

i.5. Издержки

Издержки – это расходы, ущерб, бремя. Внутренние издержки конкретной компании (например, ГАЗПРОМа или РАО ЕЭС) – это их внутреннее дело. Нас, как граждан общества (и в особенности в рамках темы нашей конференции) в первую очередь должны интересовать издержки общества, общественные потери, связанные с существованием и защитой привилегий этих компаний. Различение привилегий компаний-монополистов и самих компаний чрезвычайно важно. Фразу «борьба с бедностью» никто не воспринимает как призыв к физическому истреблению бедняков. Но под «борьбой с монополиями» обычно подразумевается принудительная ликвидация, раздробление конкретных компаний. Ничего, кроме вреда, такие действия принести не могут. ГАЗПРОМ, РАО ЕЭС, ЦБ РФ и другие «компания-монополисты» предоставляют нам услуги, приносят пользу. Общественные

издержки и потери связаны не с существованием и не с размерами этих компаний, а с наличием у них привилегий – монополий в точном смысле этого слова. Нет никакого смысла насильственно делить, перестраивать или иным образом нарушать отлаженную работу уже существующих компаний. Для того, чтобы ликвидировать монополии (и все общественные потери, связанные с их существованием), надо всего лишь ликвидировать законодательные, правовые *привилегии* соответствующих компаний.

С учетом сказанного, тему доклада можно сформулировать более точно:

«Общественные потери (издержки), связанные с существованием государственно установленных привилегий (монополий)»

Преамбула

Привилегия (монополия) – это законодательно (государственно) установленные права одного субъекта и обязанности других субъектов, не вытекающие из прав собственности и/или добровольных договорных обязательств сторон. Иными словами, это придуманные (надуманные) права и обязанности, существующие только благодаря законодательству и государственному принуждению. Однако, чтобы быть правильно понятым, я должен потратить время на определение смысла используемых мною слов.

1. Права и насилие

Любое взаимодействие людей в обществе является либо добровольным (никто ни к кому не применяет против его воли силу или угрозу применения силы), либо силовым (хотя бы одна сторона применяет силу или угрозу применения силы к другой стороне). Силовое действие в свою очередь может быть либо насилием (нарушением чужих прав, пример – грабеж), либо защитой от насилия (защитой прав, примеры – самооборона или арест грабителя). В обычной жизни насилие обычно считается преступлением, а защита от насилия – нормальным, этически безупречным действием.

Добровольность взаимодействия обычно определить легко, но для того, чтобы отличить насилие от защиты прав, нужно понимать, какие у кого права. Является ли убийство грабителя насилием или защитой своих прав? Забастовка – это насилие или защита прав рабочих? Или (возвращаясь к монополиям) регулирование цен на электроэнергию – это применение насилия к РАО ЕЭС и потребителям, или защита прав потребителей (или прав РАО ЕЭС)? Чтобы ответить на эти вопросы, надо понять, что такое «право».

Сейчас слово «право» чаще всего используется как синоним «того, что написано в законах». Однако слово «право» имеет и более глубокий смысл. Мы понимаем, что законы о рабстве (во времена, когда рабство считалось законным) нарушали некоторые основные (или, как сказал бы Локк, естественные) права человека. Мы называем некоторые современные законы

«грабительскими» (чаще, правда, имея в виду размеры грабежа, а не сам узаконенный грабеж, к наличию которого мы привыкли). Факт существования Всемирной декларации прав человека (независимо от ее содержания) говорит о том, что некоторые права людей считаются стоящими выше текстов законов той или иной страны. Мы называем массовые репрессии сталинских времен преступлением независимо от содержания текстов тогдашних «законов» и точности соблюдения тогдашних судебных процедур.

Это значит, что мы не можем считать «правами» просто «то, что написано в законах». Тексты законов и законодательно установленные «права» и «обязанности» могут не только защищать основные (фундаментальные, естественные) права людей, но и нарушать эти права, защищать и оправдывать насилие.

2. Фундаментальные права

Что же такое «фундаментальные» права? Есть ли у них какое-то содержание, отличное от просто мнений разных людей?

Мы можем попытаться понять, что было и есть общего в самых разных правовых (в том числе и религиозных) системах разных времен и народов. И обнаружим, что на протяжении тысячелетий самыми фундаментальными правами свободного человека считались право собственности и договорные права, т.е. права требования исполнения другой стороной договора *добровольно*

взятых на себя обязательств, где под договором понимается любое – в том числе и устное – добровольное соглашение сторон («мы так договорились»).

Мы можем попытаться выяснить этические основания возникновения у человека тех или иных прав и придем к «естественным правам» Локка – к договорным правам и правам собственности (основывающимся на праве собственности человека на свое тело, свои способности и свой труд).

Мы можем проанализировать, как современное законодательство определяет права граждан в тех взаимоотношениях, где государство никак не участвует (не является еще и заинтересованной стороной отношений) – проанализировать нормы частного права. И обнаружим, что фундаментальными частными правами являются права собственности, договорные права и неприкосновенность личности (которую Локк назвал бы правом собственности человека на самого себя). В определении всех других – социальных, избирательных и прочих «прав» – государство выступает как сторона взаимоотношений, поэтому соответствующие нормы права нельзя считать непредвзятыми.

Наконец, на чисто логическом уровне любое общественное взаимодействие – это взаимодействие между людьми (даже если они выступают как представители каких-то групп или организаций). Для конкретного человека общество состоит из его самого и других людей. Все, что человек может сам сделать с вещами (не нарушая чужих прав) описывается понятием прав собственности. А любое требование чего-то от других людей либо относится к

договорным правам, либо является произвольным односторонним насилием. Поэтому фундаментальные права – это права собственности и договорные права. Никаких других фундаментальных прав нет и быть не может.

Из всего сказанного следует, что фундаментальные права – это права собственности (включая неприкосновенность личности) и договорные права. Соответственно, фундаментальные обязанности человека – не нарушать чужих прав собственности и исполнять добровольно взятые на себя обязательства. Наконец, если рассматривать не общество в целом, а одного отдельно взятого человека, и если считать людей равноправными (считать, что фундаментальные права и обязанности у всех людей одни и те же), то можно сформулировать фундаментальные права так:

Фундаментальные права человека – это свобода, права собственности и договорные права.

Причем если права собственности и договорные права относятся действительно к правам человека, то слово «свобода» означает отсутствие у человека каких-либо *обязанностей* перед кем бы то ни было, кроме фундаментальных. Что человек обязан не нарушать чужие права собственности и исполнять свои договорные обязательства, но этим обязанности человека и исчерпываются. Свобода подразумевает равноправие и означает, что у других людей нет никаких иных прав, кроме фундаментальных.

3. Насилие и свобода

Насилие в строгом смысле слова – это любое нарушение фундаментальных прав любого человека. Насилие – это точный антоним понятия «фундаментальные права».

Использованный выше термин «свобода» можно переформулировать так: «Свобода – это исключительно и только *свобода от насилия*, отсутствие нарушений фундаментальных прав человека». Это строгое определение общественной свободы надо отличать от бытового и всех иных смыслов слова «свобода». Оно отнюдь не означает «вседозволенности». Арест грабителя, например, не является ограничением общественной свободы преступника, поскольку это действие является защитой фундаментальных прав ограбленного, защитой от насилия, а не насилием. Права собственности других людей никак не ограничивают свободу человека (хотя и ограничивают множество его ненасильственных, не нарушающих чужих прав действий). Принуждение к исполнению добровольно взятых на себя обязательств не является насилием и потому не ограничивает свободу человека. И т.п.

Таким образом, здесь и далее «свобода» – это синоним защиты фундаментальных прав, а «насилие» – это синоним нарушения фундаментальных прав.

4. Насилие и государство

В современном обществе насилие существует в двух основных формах:

- 1) криминальное (противозаконное) насилие, например, убийства, грабеж, разбой
- 2) государственное (узаконенное) насилие, например, обязательная служба в армии, налоги, монопольные привилегии и др.

Причем если в первом случае преступлением считается само насилие, то во втором – любая попытка сопротивления или «уклонения» от насилия. Соответственно, в первом случае государство борется с насилием, защищает фундаментальные права людей, а во втором, наоборот, применяет насилие, нарушает фундаментальные права людей, борется и наказывает попытки защиты от насилия. Споры о том, должна ли деятельность государства быть ограничена только защитными функциями, или же государство должно решать также какие-то социальные проблемы, регулировать экономику и пр. – это споры о том, должно ли государство только защищать фундаментальные права или же может (или должно) также и нарушать эти права. Но к этому вопросу мы вернемся позже.

5. Привилегия (монополия)

Теперь мы можем повторить данное в преамбуле определение монополии, наполнив смыслом составляющие это определение слова. Привилегия (монополия) – это одна из форм насилия, нарушения фундаментальных прав людей государством путем законодательного наделения одного субъекта специфическими правами (а других – соответствующими обязанностями),

выходящими за рамки фундаментальных прав и обязанностей – прав собственности и добровольных договорных обязательств сторон.

Любая привилегия, любая монополия – это насилие.

6. Богатство общества

Наша тема – общественные потери (издержки) от существования привилегий (монополий). Поэтому понятия фундаментальных прав, насилия и свободы нужны нам лишь в той мере, в которой они связаны с богатством (или, наоборот, потерями) общества. Я посвятил этому столько времени для того, чтобы вывод, к которому мы движемся:

потери общества тем больше, чем выше уровень насилия в обществе. Всякое уменьшение насилия ведет к росту богатства и процветания общества, всякое усиление насилия ведет к потерям и относительному обнищанию общества

чтобы этот вывод был понятным и строгим, похожим скорее на теорему математики, чем на частное мнение, которое можно понимать как угодно. Что такое «насилие» мы определили. Поговорим о богатстве.

Обычно богатством общества называется накопленный в обществе к какому-то моменту запас благ. Хорошей метафорой является образ бассейна, куда по неким волшебным трубам «втекают» все вновь создаваемые блага, а по другим трубам «вытекают» все съеденные, выпитые, сломавшиеся, использованные и

иные переставшие существовать блага. В рамках этой метафоры текущий уровень накопленной в бассейне воды – это «богатство общества», темп вытекания воды – «уровень потребления» или «уровень жизни», темп втекания – это «уровень производства». В реальной жизни, впрочем, никаких волшебных труб, откуда на нас ниспадал бы поток благ, не существует. Все блага в обществе создаются (или не создаются) людьми. Единственным источником богатств является деятельность людей. Это настолько очевидно, что было бы стыдно об этом говорить, если бы не регулярное игнорирование этого факта при обоснованиях необходимости и благотворности государственного вмешательства в экономику.

От чего же в первую очередь зависит уровень богатства общества и скорость его роста? Мы рассмотрим два важнейших фактора – запас капитала и уровень насилия в обществе. Но прежде, поскольку речь пойдет об увеличении богатства или обнищании общества, определим эти термины.

6.1. Термин «в результате общество становится беднее»

Наша задача – понять, как сказываются привилегии и иные формы насилия на богатстве общества, каковы их *последствия*, понять *причинно-следственные* связи, а не просто сравнить два разных состояния общества.

Что имеется в виду? Если Иван сжег один дом, а Петр за это время построил два новых, то мы говорим, что «в результате действий Ивана общество стало беднее». Хотя если просто подсчитать общее количество домов (не интересуясь

причинами их появления или исчезновения), то легко видеть, что «в реальности» общество стало богаче, – был один дом, а стало два. Фраза «в результате общество стало беднее» описывает *влияние* на богатство общества именно действий Ивана. Она утверждает, что если бы Иван не сжег дом, то общество было бы богаче, чем сейчас (в нем было бы 3 дома, а не 2). Другими словами, мы сравниваем нынешнее богатство общества с тем, каким оно было бы, если бы Иван не сжег дом (альтернативный анализ), а не богатство общества *до* и *после* действий Ивана (исторический анализ). Ведь изменение богатства общества зависит не только от действий Ивана, но и от действий Петра, других людей и массы иных факторов, - от всех «труб бассейна, по которым втекает и вытекает вода».

Вот еще один пример. Фразу «в XX веке произошло невиданное расширение государственного контроля над всеми сферами экономической жизни, массовое ограничение фундаментальных прав людей, что привело к обеднению общества, упадку морали и нравственности, разрушению общественного сотрудничества» надо понимать как высказывание о *влиянии* соответствующих действий. Как утверждение о том, что если бы указанных действий не было, то общество *было бы* намного богаче и нравственнее, чем сейчас. Тот факт, что в течение XX века богатство большинства стран мира значительно выросло, не противоречит этому. Богатство выросло *вопреки* этим действиям государств (благодаря созидательной деятельности людей) подобно тому, как количество домов выросло вопреки действиям Ивана (благодаря созидательной деятельности Петра).

Соответственно, фраза «всякое уменьшение насилия ведет к росту богатства и процветания общества, всякое усиление насилия ведет к потерям и относительному обнищанию общества» также утверждает лишь причинно-следственные связи, но ничего не говорит ни об абсолютном уровне богатства того или иного общества, ни о его росте или падении с течением времени.

6.2. Роль капитала в росте богатства общества

Используемые для создания новых благ факторы принято разделять на труд, природные ресурсы (все, что существует независимо от человеческой деятельности) и капитал (все блага, созданные людьми ранее, включая знания и технологии). В каждый данный момент времени «капитал» – это все богатство общества, за исключением природных ресурсов.

Скорость создания новых благ, т.е. производительность труда, определяется в первую очередь капиталом. Действительно, природные ресурсы таковы, каковы они есть и от деятельности человека по определению не зависят (хотя наличие доступа к ним может зависеть от капитала). Труд конкретного человека, его время и силы тоже фиксированы. Но от того, каким капиталом пользуется человек его производительность труда, да и сама возможность создания новых благ зависят самым прямым образом. От того, будет ли человек рыть землю голыми руками (без использования капитала), с использованием лопаты (пример капитала) или использованием экскаватора (другой пример капитала), его производительность может отличаться в десятки, сотни и сотни тысяч раз.

Сделать самолет или компьютер без компонент и инструментов (без капитала) вообще невозможно, независимо от затрат труда и природных ресурсов.

Таким образом, скорость создания новых благ *ограничена* запасом уже накопленного реального (неденежного) капитала. Если в обществе не накоплено ни одного экскаватора, то землю придется рыть лопатами, а если пока еще нет ни одной лопаты, – то палками или голыми руками. Это означает, что в росте богатства общества не бывает «чудес». Сказанное, впрочем, относится только к одному моменту времени, и не означает, что рост богатства общества вообще ни от чего не зависит. Действуя, люди учитывают все внешние условия. Это относится и к выбору между накоплением капитала и его растратой, и к выбору что именно и как в данный момент делать. Поскольку размер накопленного капитала определяет скорость создания новых богатств, то

для максимально быстрого роста богатства общества в первую очередь нужны благоприятные условия для создания и накопления капитала.
--

Впрочем, будет ли уже существующий капитал использован для создания новых благ, или он будет «растрачиваться» и «проедаться» также зависит от тех условий, в которых люди принимают соответствующие решения.

6.3. Насилие и богатство общества

Одно из величайших достижений экономической мысли (издавна известное обычным людям) состоит в том, что любой добровольный обмен является

взаимовыгодным, ведет к увеличению богатства всех обменивающихся сторон. Если люди добровольно и без принуждения меняются благами, то это означает, что каждый из них больше ценит то, что получает, чем то, что отдает. При любом добровольном обмене, при любом добровольном сотрудничестве между людьми выигрывают («наживаются») все стороны, а «проигравших» нет.

Любое насилие (например, грабеж) совершается против воли жертвы. Богатство грабителя увеличивается за счет уменьшения богатства ограбленного. Поскольку на сам грабеж, преодоление сопротивления жертвы и пр. также тратятся какие-то ресурсы, то общее богатство в результате грабежа не просто перераспределяется, но и уменьшается.

Добровольные обмены (включая добровольный найм и труд) ведут к росту богатства общества. Насилие ведет лишь к перераспределению и уменьшению богатств общества.

Индивид может увеличить свое личное богатство либо путем ненасильственных действий (самыми массовыми из которых являются труд и торговля), либо путем применения насилия к другим людям (например, грабежом).

Группа людей (например, жители данной страны) может увеличить свое групповое богатство либо путем добровольного взаимодействия между собой и с другими людьми (труд и торговля), либо путем применения насилия к другим людям (набеги и грабежи соседних племен, завоевание других стран). Но, – и это чрезвычайно важно, – грабеж *внутри* группы (внутри страны) не

увеличивает общее богатство группы. Именно поэтому во все времена и во всех обществах (и даже внутри банд преступников) грабеж и воровство среди «своих», считался преступлением и жестко наказывался.

Итак, отдельный человек или группа людей могут увеличить свое богатство за счет насилия (грабежа других людей). Страна может увеличить свое богатство за счет грабежа и завоевания *других стран* (но не собственных граждан). Но у человечества в целом такой возможности нет. Ведь насилие внутри группы уменьшает богатство группы. Поэтому единственный путь повышения благосостояния всех людей на Земле, всего человечества – это труд и торговля, добровольное взаимодействие между людьми.

Кстати, понимание того, что грабеж уменьшает совокупное богатство, присутствует и у грабителей. Именно поэтому банды борются между собой за «контроль над территорией» и стараются не допускать «чужаков» (других грабителей) на «свою» территорию. Именно поэтому феодалы боролись с грабителями, а короли – с феодалами. Можно сказать, что именно так, путем организации защиты фундаментальных прав людей от всех *других* грабителей, возникли европейские государства. Вызванное этим уменьшение уровня насилия привело к росту богатства общества и зарождению современной цивилизации. Обычные люди трудом и торговлей стали создавать много больше благ, чем всего (и ими, и оставшимися грабителями) «вычерпывалось из бассейна». Но надо понимать, что богатство при этом росло, несмотря на оставшееся королевское (государственное) насилие, благодаря труду и торговле обычных людей.

6.4. **Насилие и будущее богатство общества**

Насилие не просто уменьшает и перераспределяет существующее богатство общества. Гораздо более глубокое влияние насилие оказывает на *будущее* богатство. Если велика опасность, что человек не сможет в полной мере воспользоваться результатами своих усилий (из-за криминальных угроз, высокого налогового бремени, отсутствия защиты прав собственности и пр.), то, выбирая между накоплением и потреблением, между трудом и развлечениями, люди будут учитывать эту опасность. Чем выше уровень насилия в обществе, тем больше людей предпочтет потребление – накоплению, развлечения и отдых – труду. Соответственно, люди будут создавать меньше благ и меньше их накапливать (чем если бы насилия не было). В результате общество станет беднее (в смысле п.6.1).

Но, поскольку скорость создания новых благ в первую очередь зависит от размера накопленного в обществе капитала, то уменьшение накопления капитала приведет к уменьшению *скорости* создания новых благ, что в свою очередь *еще больше* уменьшит накопление капитала и т.д. В результате общество будет *лавинообразно становиться беднее* (в смысле п.6.1). Будущие потери, уменьшение будущего богатства общества во много раз (и чем дальше во времени, тем больше) превзойдут потери сегодняшние.

Верно и обратное. Резкое ограничение насилия (усиление защиты фундаментальных прав людей) вызывает такой же *лавинообразный рост*

капитала (рост и богатства общества и скорости его создания), зачастую называемый наблюдателями «экономическим чудом».

6.5. Богатство общества – резюме

Любое уменьшение уровня насилия в обществе ведет к лавинообразному росту богатства и процветанию общества. Любое усиление насилия ведет к лавинообразным потерям и обнищанию (в смысле п.6.1) общества. Потери (издержки) общества тем больше, чем выше уровень насилия, а будущие потери во много раз превышают потери сегодняшние.

Теперь, на этой базе мы можем вплотную заняться непосредственно монополиями.

7. Общий вывод, касающийся всех монополий

Любая государственно установленная привилегия (монополия) – это насилие, нарушение фундаментальных прав (п.5). Любое насилие ведет к лавинообразным потерям и обнищанию общества (п.6.5). Следовательно, общественные потери (издержки) от существования монополий – это лавинообразное обнищание общества. Чем насильственней является монополия, чем она всеохватней, чем выше уровень насилия, тем лавинообразно больше общественные потери (в смысле п.6.1).

8. Отраслевые монополии

Примерами отраслевых монополий в России могут служить: монополия РАО «ГАЗПРОМ» на транспортировку газа, монополия РАО «ЕЭС России» на экспорт электроэнергии или монополия системы управления воздушным движением на оказание авиадиспетчерских услуг. Про замедление темпов экономического роста, замедление научно-технического прогресса и иные потери общества от существования подобных монополий сказано достаточно много, и все это укладывается в наш общий вывод, касающийся всех монополий (п.7). Даже обеспечение «свободного и недискриминационного доступа к транспортным сетям» является насилием, применяемым к собственникам транспортных сетей, которое, как и любое иное насилие, ведет к лавинообразному обнищанию общества.

Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что потери общества связаны не с существованием и не с размерами конкретных компаний, и даже не с качеством и ценой предоставляемых ими услуг (это все следствия). Причиной потерь является исключительно и только: (1) наличие законодательно установленных привилегий – запрета заниматься теми или иными видами деятельности людям и организациям, не имеющим лицензий или иных разрешений государственных органов; и (2) наличие законодательно установленного регулирования цен и/или иных аспектов деятельности в областях так называемых «естественных монополий». То есть исключительно и только государственное насилие.

Не случайно РАО ЕЭС, инициировавшее «борьбу с монополизмом в электроэнергетике», готово разделить само, разделять, сливать и

реорганизовывать свои дочерние структуры, но вместе с Правительством выступает категорически против отмены электроэнергетических привилегий. Например, против того, чтобы даже только вновь создаваемые (пока не существующие) частные сети и электростанции могли продавать свои услуги вне государственного регулирования и оптового рынка электроэнергии. «Борьба с монополиями» пока воспринимается как требование разделения конкретных компаний-монополистов, а не как борьба с привилегиями за уменьшение общего уровня насилия в обществе.

9. Денежная монополия центрального банка

Потери общества от «отраслевых монополий», даже взятые все вместе, представляются гораздо меньшими, чем потери от всеохватных монополий, например, денежной монополии центрального банка, сказывающей на всех отраслях и вообще на всех обменах.

Монополия центрального банка носит весьма разветвленный и сложный характер. Она включает запрет на выпуск «своих денег» частным лицам и банкам, требование обязательного приема рублей в качестве средства платежа, запрет резидентам вести расчеты между собой в иностранных валютах, требование вести учет в национальной валюте, привилегию на выпуск новых денег и т.д.

Потери общества от существования этой монополии и возможности ее полной отмены в деталях рассмотрены в книге М.Ротбарда «Государство и деньги»¹, впервые изданной еще 1964 году, но с тех пор ставшей только еще более актуальной.

Я же здесь хочу обратить Ваше внимание лишь на возможность отмены привилегии на выпуск (эмиссию) новых денег, при сохранении монополии на «единственное законное платежное средство». Конечно, это компромисс. Конечно, лучше бы отменить все привилегии центрального банка вообще (что не означает ни его ликвидации, ни прекращения его деятельности). Но пока подобные идеи рассматриваются как экстремизм (как предложения об упразднении Госплана во времена СССР). Поэтому имеет смысл рассмотреть возможности отказа от тех или иных частных привилегий центрального банка, – ведь любое уменьшение насилия ведет к лавинообразному росту богатства общества. Происходящее на наших глазах постепенное ослабление ограничений валютного контроля – шаг в этом направлении. Отмена привилегии на эмиссию новых денег могла бы быть следующим – простым и понятным – шагом в уменьшении насилия, порождаемого привилегиями центрального банка.

9.1. Case study: Запрет на эмиссию бумажных денег

В свободной банковской системе (free banking), банки могут эмитировать свои банковские расписки, не нарушая ничьих фундаментальных прав. Но если сами деньги поддерживаются насильственно, если люди принуждены государством к

¹ М.Ротбард «Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества», Москва, Социум, 2002. M.Rothbard “What Has Government Done to Our Money?”, The Ludwig von Mises Institute, Auburn University, Auburn, Alabama 36832, 1980.

использованию именно этих денег, если это «единственное законное платежное средство, обязательное к приему на всей территории государства», то в этих условиях эмиссия новых денег является насилием и преступлением, ярким примером которого является фальшивомонетчество.

Деньги – это всеобщее средство обмена. Современные нетоварные, бумажные деньги – это исключительно и только средство обмена, не имеющее никакой иной ценности. Используя деньги, люди меняют свой труд или свою собственность на иные, нужные им реальные блага (не деньги). Для того, чтобы ненасильственно получить что-то от другого человека, нужно самому быть чем-то ему полезным. Использование денег позволяет упростить ситуацию: сделать что-то полезное для одного человека, получить за это деньги и купить на них нужные реальные блага у других людей. Но деньги – лишь промежуточное средство обмена. В конечном счете, чтобы ненасильственно получить что-то от другого человека нужно самому быть полезным этому или другим людям. Эта необходимость быть полезным другим для достижения собственных целей, эта «невидимая рука» Смита – выдающийся и самый важный фактор рыночной экономики и общественного сотрудничества между людьми. В основе человеческого сотрудничества лежит добровольный обмен реальными благами (не деньгами). Деньги – лишь средство обмена.

Фальшивомонетчик, печатающий новые деньги «из воздуха» подрывает саму основу этого сотрудничества, поскольку получает в обмен на новые деньги реальные блага, не сделав ничего реально полезного для других. Изготовление новых денег – это вид косвенного грабежа. Причем в отличие от обычного

грабителя фальшивомонетчик «портит воздух, которым дышат все». Совсем грубо и упрощенно можно считать, что покупательная способность денег – это все множество реальных богатств общества «деленное» на общее количество денег. Конечно, «деление» здесь – это не математическая операция, а лишь образ, отражающий причинно-следственные связи между соответствующими величинами. Выпуск новых бумажных (нетоварных) денег означает уменьшение покупательной способности всех уже существующих в обществе (старых) денег. Это значит, что их владельцы смогут купить на них меньше реальных благ, окажутся ограбленными. Те реальные блага, которые при отсутствии эмиссии попали бы людям, сделавшим что-то полезное для других, теперь попадут владельцам новых, эмитированных «из воздуха» денег. Деньги из средства обмена реальных благ на реальные блага станут еще и средством обмена «ничего» на реальные блага, – из средства обмена превратятся еще и в средство грабежа.

Центральный банк, эмитируя новые деньги, делает то же самое – он грабит всех владельцев уже существующих денег. Если центральный банк на новые деньги покупает долговую расписку правительства, а новые деньги тратит правительство, то по существу это не отличается от ситуации, когда фальшивомонетчик, напечатав новые деньги, отдает их «в долг» главарю банды, который потом тратит их так, как считает нужным. Грабеж заключается в самом факте выпуска новых денег, а не в том, кто именно и на что их тратит, какими документами и как это оформлено. Если бы в «управлении денежной массой» действительно был хоть какой-нибудь смысл, отличный от грабежа, то действия фальшивомонетчиков должны были бы в определенных условиях (при

«недостатке денежной массы») признаваться полезными для общества. Мы, однако, понимаем, что фальшивомонетчество является преступлением, независимо от «параметров» и состояния денежной массы страны.

Но что произойдет, если центральному банку, как и всем частным лицам, будет запрещена эмиссия новых денег?

Во-первых, исчезнут «деньги из воздуха». Абсолютно все деньги будут собственностью каких-то людей или организаций. Если не говорить о насилии, то единственная в этих условиях возможность получить деньги – это сделать что-то полезное для владельца денег, продать ему свой товар или услугу (включая труд). Богатство человека станет точным мерилom его полезности для других людей, для общества.

Во-вторых, по мере роста реального богатства общества покупательная способность денег будет расти, а цены падать. Через какое-то время цены могут начать измеряться, например, в «нанорублях» и «милликопейках». В этом нет никакой проблемы, поскольку запрет на эмиссию новых денег не означает ни запрета на размен денег, ни запрета на замену обветшавших купюр и монет новыми. Впрочем, по мере развития электронных систем платежей даже это может стать ненужным. Рост покупательной способности денег будет примерно соответствовать общему росту реального богатства общества. В частности, обычное сбережение денег (например, их хранение «в чулке» без какого-либо «инвестирования») может полностью решить проблему безрисковых пенсионных накоплений. Не понадобятся ни пенсионные фонды, ни

«управление» их средствами, ни инвестирование этих средств куда бы то ни было.

Конечно, при этом будут падать и измеренные в деньгах цены на услуги, на труд. С ростом населения будет падать и измеренный в деньгах средний размер богатства человека. Но реальные доходы и реальное богатство людей будут быстро расти.

Ликвидация привилегии центрального банка на эмиссию денег ликвидирует форму массового насилия и грабежа, связанную с использованием людьми именно этих денег. А, значит, общество станет лавинообразно богаче.

9.2. Сбережение и уничтожение бумажных денег

Отдельно следует заметить, что если какой-то человек, получив за свои услуги деньги от других людей, просто уничтожает их (или, иным ненасильственным образом уменьшает количество денег в обращении), то это действие можно охарактеризовать только как героическое самопожертвование на благо общества. Ведь, произведя какие-то *реальные блага для других* и получив за это деньги, человек отказался менять их на *реальные блага для себя*. Это и есть альтруизм в самом чистом виде, работа ради других при полном отказе от чего бы то ни было для себя.

Уничтожение денег ведет к росту их покупательной способности, т.е. к росту реального богатства всех других владельцев денег за счет отказа от реальных

благ для себя. Сбережение денег (до тех пор, пока эти сбережения не начинают тратить) приводит к такому же, но временному эффекту, - это отказ от реальных благ сейчас, с сохранением возможности получить их в будущем.

Заметим, что если в результате некоторой альтруистической инфекции абсолютно все люди начнут думать только о других, полностью игнорируя собственные нужды, то ничего вообще сделать не удастся (ведь никому ничего «для себя» не надо), и человечество просто прекратит существование. Поэтому альтруизм представляет ценность лишь до тех пор, пока он редок.

10. Нематериальные «монополии» (патенты и авторские права)

В современном мире особняком стоят нематериальные монополии, такие как патенты и авторские права. Нет сомнений, что автор рукописи, передавая рукопись издателю, может связать последнего любыми договорными обязательствами (или отказаться от передачи рукописи). Издатель может не передавать книгу магазинам, которые не взяли на себя каких-то обязательств. Магазины могут не продавать книгу покупателям, отказывающимся от взятия на себя обязательств, аналогичных современному «Copy Right». То же верно и в отношении изобретателя, изготовителя и покупателей новой продукции. Ущерб, вызванный неисполнением кем-то взятых на себя обязательств можно взыскать с виновного. Однако все вышесказанное – это обычные договорные права и обязательства, не имеющие отношения к специфическим авторским и патентным правам.

Специфические авторские права или права патентовладельца выходят за рамки фундаментальных прав, а, значит, являются насилием. Когда всем людям запрещается делать ушко в иголке для швейной машинки ближе к острию, чем к концу иголки, на том основании, что до этого кто-то где-то уже додумался чуть раньше и запатентовал как свое изобретение, то это произвольное ограничение прав собственности этих людей на свои иголки, не вытекающее ни из каких договорных обязательств этих людей. Т.е. произвольное одностороннее насилие.

Чтобы почувствовать, какие потери несет общества в связи с существованием таких привилегий, представьте, что колесо, винт, болт, гвоздь, гайка, топор, отвертка, огонь, письменность, деньги, речь или даже «процесс поглощения пищи человеком посредством рта» запатентованы, что никто не вправе их использовать, не получив предварительного разрешения от патентовладельца.

11. Монополия государства на насилие

Но есть еще одна монополия, из которой проистекают все остальные – это монополия государства на применение насилия (в смысле п.3). Если для «обычных» монополий привилегия состоит в запрете другим заниматься конкретной деятельностью, то привилегия государства состоит в «праве» безнаказанно совершать преступления, нарушать фундаментальные права людей, делать то, что никто из людей делать не вправе.

При отмене «обычной» привилегии, соответствующая деятельность из монопольной может превратиться в массовую. При отмене привилегии на насилие, соответствующая деятельность станет преступлением, т.е. исчезнет (мы же не называем грабежи «видом деятельности»).

Эта особенность привилегии государства на узаконенное (а потому безнаказанное) насилие порождает совершенно ужасные и драматические последствия. Помимо гигантского обнищания общества (в смысле п.6.1), безнаказанность насилия ведет к его непрерывному разрастанию (растет государственный аппарат, его функции, все новые области деятельности объявляются требующими государственного регулирования и пр.). Что в свою очередь ведет к лавинообразному дальнейшему обнищанию (п.6.4). Наконец это порождает невероятный хаос в том, что правильно, этично и достойно, а что аморально и является преступлением. Ведь любое насилие перестает считаться преступлением, если оно совершается от лица государства и оправдывается государственными интересами. А, значит, можно безнаказанно нажать за счет других, просто пролоббировав ту или иную норму закона, да еще при этом не считаться преступником, а выглядеть радетелем государственных интересов. Всеобщая воинская обязанность, налоги, таможенные пошлины, валютный контроль, ограничение оборота земель «сельскохозяйственного назначения» - вот далеко не полный перечень узаконенного нарушения фундаментальных прав людей.

Именно эта особенность современных государств породила нынешние политическую и лоббистскую активность, - борьбу за право безнаказанно грабить (или за возможность защитить себя от подобного грабежа).

Важно подчеркнуть, что, как и в случае других монополий, *речь не идет о ликвидации государства вообще* (а я лично не являюсь анархистом). Речь идет лишь о ликвидации *привилегии* государства на безнаказанные преступления, нарушение фундаментальных прав людей.

Как уже отмечалось в п.4, деятельность современного государства носит двоякий и взаимоисключающий характер: (1) защита фундаментальных прав людей и (2) нарушение и защита нарушений фундаментальных прав людей.

Деятельность первого типа, даже если она носит силовой характер, не является насилием, а является защитой от насилия. Не является она и полностью монопольной, ибо человек вправе сам защищать свои фундаментальные права (имеет право на самооборону), хотя эти права и ограничены (самосуд, например, в отличие от самообороны, считается недопустимым).

Но деятельность второго типа – это монополия на безнаказанное насилие в чистом виде, монополия на безнаказанные преступления. Любое нарушение фундаментальных прав людей является насилием. Государство объявляет свое насилие законным, а всякое сопротивление ему или «уклонение» от него – преступлением. Это ведет не только к лавинообразному обеднению общества, но и разрушает основы морали и права, основы добровольного и

взаимовыгодного сотрудничества людей. Призывы к соблюдению законов, независимо от их содержания, – это разрушение права и защита насилия. По сравнению с монополией государства на безнаказанное насилие любая другая монополия, даже денежная монополия центрального банка, кажется игрушкой, – ведь он грабит людей только одним, вполне определенным образом, и от этого грабежа пусть частично и как-то, но можно защититься, уменьшив использование денег.

Заключение

Фундаментальные права человека – свобода, собственность и договор – священны и неприкосновенны. Любое их нарушение (чем бы и как бы оно не оправдывалось) – это насилие и преступление. Государство должно защищать людей от насилия (в том числе и силовыми методами), но не вправе и не должно применять насилие.

Глобальный взгляд на либеральную программу для нового века можно сформулировать в одном предложении –

Надо ликвидировать монополию (привилегию) государства на безнаказанное нарушение фундаментальных прав людей

Ликвидация этой части государства, не защищающей людей от насилия, а, наоборот, служащей источником насилия и законодательно защищенного грабежа, приведет не только к резкому росту богатства общества, но и к

укреплению морали и нравственности, к тому, что полезность для других станет единственной возможностью получить что-то для себя, а доходы человека станут мерой его полезности для других.